

Рис. 31, 32. Тучков
буян
Фото П.А. Матвеевой

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже после смерти В.В. Радлова, в 1930-е гг., в том числе и на волне интереса к марксистской науке, французские организаторы науки Поль Ривэ (Paul Rivet) и Жорж Ривьер (Georges Rivière) при создании парижского Музея человека будут ориентироваться в первую очередь на Ленинградский музей антропологии и этнографии, *единственный в СССР музей общечеловеческой культуры*¹ и даже пытаться установить с ним обмен². «Цель музея нового типа — не просто показывать предметы материальной культуры, как это делалось в XIX веке, но демонстрировать единство всей эйкумены человека и в то же время разнообразие ее форм <...> панораму эволюции и деятельности человека»³.

В 1920-е гг. Л.Я. Штернберг напишет, что нынешний академический Музей антропологии и этнографии вместе со своим археологическим отделением является **единственным в СССР музеем общечеловеческой культуры**. Однако этот уникальный для российской науки рубежа XIX—XX вв. проект так и не был реализован в полном объеме. После смерти сначала В.В. Радлова, а потом и Л.Я. Штернберга в условиях новой идеологической конъюнктуры МАЭ получил новые задачи, а в начале 1930-х гг. ряд выдающихся коллекций был передан в Государственный Эрмитаж. С инициативой такой передачи в начале 1920-х гг. выступил академик С.Ф. Ольденбург.

Предварительное обсуждение этого проекта состоялось 24 марта 1925 г. Возникшую дискуссию и доводы сторон отражает сохранившиеся в архиве МАЭ документы (рис. 1, 2), включая протокол заседания⁴, на котором речь шла о концепции *научного музея общечеловеческой культуры*. В ходе обсуждения С.Ф. Ольденбург неоднократно подчеркивал, что при решении проблемы не следует опираться на историю музея и что Берлинский музей народоведения, в котором в равной степени хранились и этнографические собрания, и ценнейшие восточно-

¹ Штернберг 1925; Musée d'anthropologie et d'ethnographie 1925.

² Grognet 2009: 366.

³ Ibid.: 378.

⁴ НА МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 6. Кн. 2.

туркестанские коллекции, пока не может служить примером для МАЭ. Таким образом, было предложено исключить из состава академического музея собрание, имевшее абсолютное научное значение. В 1925 г. и директор МАЭ академик Е.Ф. Карский, и Л.Я. Штернберг, член-корреспондент АН СССР, и С.М. Дудин высказались против передачи. Эту позицию также поддержали академики И.Ю. Крачковский и В.В. Бартольд. Смерть сначала Л.Я. Штернберга, а потом и С.М. Дудина открыла дорогу проекту передачи, в основе которого лежала идея обмена коллекциями: Эрмитаж в ответ планировал передачу в МАЭ богатых среднеазиатских, американских, абиссинских и полинезийских коллекций. Вместе с туркестанскими коллекциями в 1930–1934 гг. в Эрмитаж были переданы и многолетние результаты работы отдела древностей Восточного Туркестана — коллекционные описи, фотографии, большинство которых было выполнено С.М. Дудиным. Помимо обширных коллекций материалы экспедиции также включали и архивные документы — описания, зарисовки, фотографии, которые в настоящее время хранятся в СПФ АРАН, ИВР РАН, Государственном Эрмитаже⁵. На протяжении многих лет В.В. Радлов и его команда целенаправленно шли к созданию *научного музея общечеловеческой культуры*. К огромному сожалению, реализация этого новаторского проекта по ряду обстоятельств, о которых говорилось выше, так и не была осуществлена.

⁵ Пещеры тысячи будд 2008.

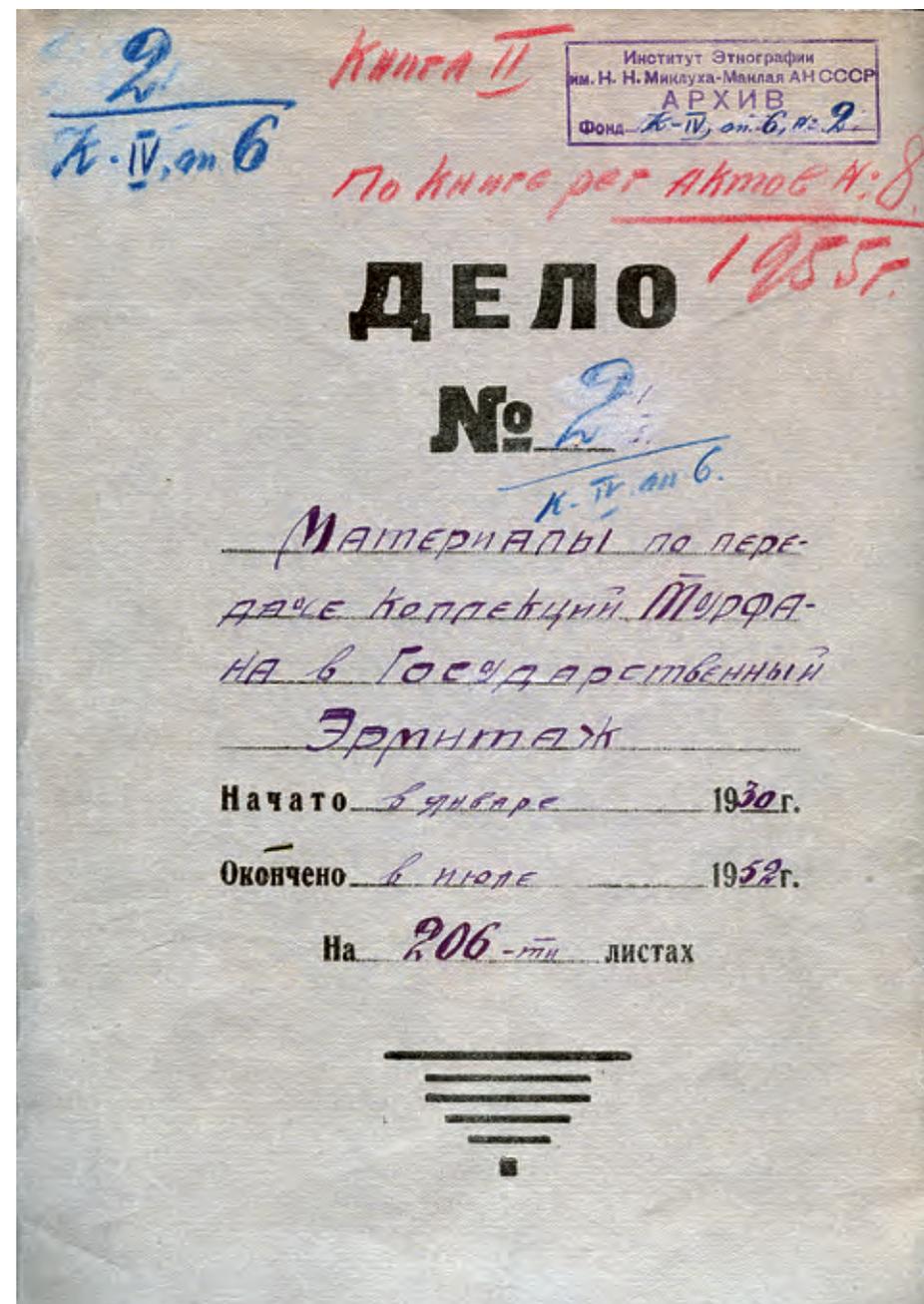

Рис. 1, 2. Материалы по передаче коллекций Турфана в Государственный Эрмитаж НА МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 6. Кн. 2.

Заседание Комиссии по вопросу о передаче Государственному Эрмитажу некоторых принадлежавших Академии материалов из Восточного Туркестана 24 марта 1925 г.
 Присутствовали: С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, А.Ю. Крачковский, Е.Ф. Карский, А.Я. Штернберг, С.М. Дудин.

1. **М.И. Крачковский** огласил отношение Государств. Эрмитажа от 14 марта с.г. за № 391, в котором последний обращается в Росс. Академию Наук с ходатайством обсудить вопрос о передаче ему материалов из Хотана, Турфана и вообще Восточного Туркестана, тем более, что аналогичные памятники из Западного Туркестана находятся там же. С своей стороны Государственный Эрмитаж выражает полную готовность передать Академии для ее музеев материалы подходящие к программе последних по мере выделения их в процессе работы. — Обсуждение этого вопроса Отделение Исторических Наук и Филологии в заседании 14 марта передало и Комиссию в составе Академик С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, А.Ю. Крачковского и представителей МАЭ С.Ф. Ольденбурга предложил приступить к обсуждению предложения Гос. Эрмитажа, поручив исполнение обязанностей секретаря С.М. Дудину и представил слово А.Я. Штернбергу.
А.Я. Штернберг отметил, что объяснения, которые он имеет дать, являются мнением Совета Музея, указав, как во 1-х/ что коллекции Турфанских Древностей стоят в связи с буддизмом и этнографическими коллекциями Китая и Индии и потому отделение их от последних нежелательно, во 2-х/ что и по количеству экспонатов и по содержанию эти коллекции не могут войти в состав собраний Эрмитажа как дополнение, а наоборот, последние могли бы явиться дополнением коллекций МАЭ, во 3-х/ что Академии необходимо считаться с исторической связью коллекций с МАЭ, собранных благодаря усилиям и энергии лиц, тесно связанных с Академией и наконец в 4-х/ что согласие на передачу таххаваянских этих коллекций, если быть логичным, необходимо должно повлечь за собой передачу коллекций из отделов Китая, Индии и других, в той их части, которая
В.В. Бартольд, соглашаясь отчасти с А.Я. Штернбергом, указывает, что археология Туркестана не имеет однако отношения к этнографическим собраниям и скорее подходит к программе Эрмитажа. Если базироваться на количестве экспонатов имеющихся на данный момент в МАЭ и Эрмитаже, то вопрос о передаче Эрмитажу туркестанской археологии пришлось бы решить отрицательно, в том случае если их больше в МАЭ, или в Эрмитаже, но что для В.В. является нерешенным. Перемещение части коллекций всегда болезненно для музея и основания для переноса нужны более серьезные. Поэтому необходимо знать основания Эрмитажа более точно прежде чем решать вопрос.
М.И. Крачковский желательнее знать насколько туркестанские коллекции являются чисто археологическими. Если это так, то передача их Эрмитажу не будет ущербом для МАЭ. Вторым вопросом заключался в том, чтобы выяснить состав коллекций МАЭ и Эрмитажа. Если окажется, что коллекции Эрмитажа менее значительны чем в МАЭ, то вопрос о передаче следовало бы разрешить в отрицательном смысле.
Директор Музея Е.Ф. Карский поддерживает А.Я. Штернберга, затем указывает на то, что по дошедшим до него сведениям Русским Комитетом по изучению Средней и Восточной Азии применялось почти как правило передача коллекций, собранных его экспедициями, МАЭ за немногими исключениями, что археологические коллекции имеются и в других отделах Музея кроме отдела Туркестанских Древностей и если встать на точку зрения отделения археологии от этнографии, то Музею придется расстаться с значительной частью его собраний, в таком же положении могут оказаться и некоторые коллекции по прикладному искусству — напр. Индии и Китая. Поэтому Е.Ф. Карский был бы против передачи.

Могила В.В. Радлова (рис. 3) расположена в самом центре Петербурга, на Васильевском острове, на территории Смоленского лютеранского кладбища. Это фамильное захоронение. Первоначально сам академик В.В. Радлов установил на этом месте памятник своей супруге, Pauline von Radloff (14 августа 1839 — 15 марта 1899). На памятнике также выбито имя Alexander von Radloff (2 июня 1900 — 16 марта 1901), а на двух торцах сохранились имена Nina Moor (17 мая 1869 — 22 мая 1908) и Roma Moor (12 октября 1902 — 16 июня 1906) — дочери и внучки академика В.В. Радлова. Смоленское лютеранское кладбище сегодня — полуразрушенный и частью заброшенный участок, по которому небезопасно передвигаться даже днем. В 2009 г. правительством Петербурга были выделены деньги на реконструкцию этого кладбища, уже сейчас можно наблюдать, что была частично обновлена дренажная система, вымощены дорожки. В рамках подготовки к празднованию 300-летнего юбилея Кунсткамеры (2014) руководство МАЭ приняло решение произвести полную реставрацию могилы В.В. Радлова. В этом направлении сделаны пока только первые шаги, но все согласования на уровне КГИОП и правительства города уже позади: будет восстановлен и мраморный постамент, и фигура ангела, половина которой была утрачена в годы войны. К сожалению, сегодня даже заинтересованный человек не сразу поймет, что здесь похоронен великий тюрколог, и дело даже не в том, что долгое время за могилой фактически никто не ухаживал: имя В.В. Радлова выбито в самом низу, на цоколе памятника, да и качество надписи оставляет желать лучшего.

Автору удалось выяснить, что сам ученый завещал поставить на своей могиле огромный валун — по подобию памятника на могиле основателя шведского Скансена Артура Хазелиуса. К сожалению, в КГИОПе, который охраняет то, что осталось от надгробия, по известным причинам не удалось согласовать подобный проект, но отдельная плита с выбитыми на ней именем и регалиями великого русского тюрколога академика Василия Васильевича Радлова обязательно будет.

Подводя итоги проделанной работы, необходимо отметить, что в своей совокупности материалы музейных и архивных собраний Санкт-Петербурга, Парижа и Берлина представляют важнейший и до сих пор не до конца использованный источник по истории МАЭ. Документы из российских, немецких и французских архивов и библиотек позволили впервые представить МАЭ рубежа XIX—XX вв. в виде единственного в своем роде проекта под названием *музей общечеловеческой культуры*. Этот проект развивался в самой тесной связи с ведущими европейскими этнографическими музеями. В результате МАЭ стал впоследствии *единственным в СССР музеем общечеловеческой культуры*, послужившим, в частности, образцом для реорганизации французских музеев (в частности, Музея человека в Париже). Комплексно обработанные и сведенные в диаграммы и таблицы данные отдела учета и хранения МАЭ позволили автору в полной мере представить взрывообразную динамику развития МАЭ в период с 1894 по 1914 г.

Особенности ранней биографии В.В. Радлова, несомненно, сыграли важную роль в его последующей деятельности. Молодой человек не принадлежал к академической среде. От отца — комиссара полиции — он унаследовал умение четко обозначить для себя задачи, пренебрегая в ряде случаев условностями, а потом целеустремленно двигался к их достижению. Это нашло свое отражение и в истории с защитой им диссертации в Йене, и в методах работы по переустройству МАЭ, организации экспедиций, подбору кадров.

Анализируя кадровые решения В.В. Радлова, нельзя не обратить внимание на целый ряд их особенностей. Во-первых, бросается в глаза крайняя «политическая неблагонадежность» новых сотрудников: по большей части это революционеры, сосланные в Сибирь. Это не помешало В.В. Радлову создать мощный Попечительский совет, в состав которого вошел ряд высокопоставленных персон, а также привлечь к сотрудничеству с МАЭ людей аристократического происхождения. Создание с помощью бывших политически ссыльных научного коллектива учреждения, связанного с реализацией государственных идеологических задач, кажется, на первый взгляд, чистейшей воды авантюрой. В то же время такое решение целиком и полностью соответствовало характеру

В.В. Радлова, любившего и умевшего находить необычные решения проблемы там, где это казалось абсолютно невозможным. Во-вторых, можно говорить о личной заботе Радлова практически о каждом из сотрудников, его активном участии в решении их сложных жизненных проблем. В-третьих, знаменательно то, что значительная группа сотрудников начинала свою работу в МАЭ безвозмездно. Важно отметить также, что в музее работало несколько супружеских пар, а дети охотно шли по стопам родителей. Как видно, кадровая политика В.В. Радлова носила глубоко личный характер. В МАЭ в основном работали его друзья, люди, обязанные ему очень многим. Стараниями В.В. Радлова в музее возникла особая атмосфера, притягивавшая множество талантливых людей. Динамичность В.В. Радлова, масштабность поставленных им задач, смелость выбора путей их решения — все это делало работу с ним чрезвычайно интересной. Далеко не случайно то, что именно МАЭ дал основной кадровый состав для создания другого этнографического музея в Петербурге — Этнографического отдела Русского музея императора Александра III.

Анализ биографий членов Попечительского совета показывает, что во многих случаях, как и при подборе научного персонала музея, В.В. Радлов руководствовался собственными пристрастиями и связями. Здесь были его деловые партнеры, ставшие во многих случаях его добрыми знакомыми. В этом отношении состав Попечительского совета, в который входили столь разные люди, как, например, князь А.Г. Романовский и социалист В.В. Святловский, может служить своеобразным «срезом» круга общения самого В.В. Радлова.

Материалы из личных архивов потомков академика В.В. Радлова, которые прежде не привлекались и не публиковались, помогли представить В.В. Радлова как личность в его взаимосвязи с социальными условиями, определявшими его жизнь в разные периоды. Редкие текстовые, а также фотоматериалы впервые публикуются в исследовании.

Таким образом, можно утверждать, что *комплексный подход к изучению архивных источников России и Европы, определявшийся введением в научный оборот большого количества архивных материалов, позволил показать специфику работы научного коллектива МАЭ на рубеже XIX—XX вв., уникальные особенности подхода В.В. Радлова к созданию музея нового типа (научный музей общечеловеческой*

культуры)⁶, а также ввести в научный оборот этот термин. Во многом такой подход к исследованию был неразрывно связан с изучением истории развития ведущих европейских этнографических музеев, поэтому промежуточные результаты работы стали важны для полного анализа всех этапов становления *идеологии* создания как этнографических музеев Европы, так и петербургского Музея антропологии и этнографии. Полученные в ходе исследования материалы в дальнейшем могут быть использованы как самостоятельно, так и для атрибуции музейных коллекций, приобретенных МАЭ в период с 1894 по 1918 г., а также для детальных исследований различных аспектов многогранной деятельности академика В.В. Радлова.

Рис. 3. Могила академика Радлова на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге
Фото П.А. Матвеевой

⁶ Подробнее см. «Записку» с предложением о преобразовании МАЭ в Музей антропологии, этнографии и археологии, которую В.В. Радлов представил в Академию наук в 1918 г. незадолго до своей кончины. Ее текст был целиком опубликован А.М. Решетовым (Решетов 1995: 82-85).

ИСТОЧНИКИ

СПФ АРАН:

Ф. 4. Комитет Правления АН (1803–1893); Правление АН (1894–1927)

— **Оп. 2.** Делопроизводственные материалы. Канцелярия.

Д. 19. Авансовые отчеты, счета и переписка по расходам Музея антропологии и этнографии. 134 л.

Д. 34. Переписка по эвакуации ценностей и служащих АН. 263 л.

— **Оп. 4.** Личные дела служащих АН.

Д. 503. Радлов Фридрих Вильгельм. 338 л.

Д. 705. Радлов Александр Васильевич. 24 л.

Д. 823 Штернберг Лев Яковлевич. 188 л.

— **Оп. 4а.** Материалы по учету личного состава: списки академиков и служащих с адресами и анкетными данными, алфавитные книги адресов, а ведомости награжденных орденами и знаками отличия,

Д. 13. Алфавитная книга адресов академиков и служащих АН (1870–1912).

Д. 14. Алфавитная книга адресов академиков и служащих АН (1916).

Д. 15. Алфавитная книга личного состава АН в 1894 г.

Д. 16. Списки личного состава (печатные). 1867–1916.

Ф. 142. Этнографические коллекции Кунсткамеры АН с анатомическим кабинетом (1719–1879); Музей антропологии и этнографии (1879–1933); Институт антропологии и этнографии АН СССР (1933–1935); Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР (1935–1937); Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (с 1937 г.)

— **Оп. 1.** Делопроизводственные материалы. Канцелярия.

Д. 2. Положение и сведения о Радловском кружке, списки членов кружка, протоколы общих собраний и т.д. 348 л.

Д. 31 Рапорт В.В. Радлова Комитету правления АН о состоянии помещения, отведенного под музей, о расстановке шкафов и размещении коллекций. 3 л.

Д. 32. Сведения о распределении и размещении коллекций по отделам музея, в связи с преобразованием Этнографического музея в Музей антропологии и этнографии. Черновые. 4 л.

Д. 33. Записки по истории здания Музея антропологии и этнографии, черновые наброски плана отделов музея, записи о размещении коллекций, сведения о затратах по освоению и оборудованию здания. 16 л.

Д. 34. Записка акад. Радлова о расширении помещения музея, концентрации всех этнографических коллекций и о создании Единого государственного этнографического музея), е.х. 45 (материалы для юбилейного отчета музея. Черновик. 12 л.